

Научная статья

УДК 81'13

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-91-113

Триггеры резонансности и формирование пандемического коронавирусного дискурса

Лара Николаевна Синельникова¹
Лариса Васильевна Селезнева²

¹ Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета а
им. В. И. Вернадского в г. Ялте
Ялта, Россия

² Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

¹ gpa@cfuv.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8140-5648>

² loramuz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

Аннотация

Определяется содержание понятия «триггер» и дается характеристика базовых триггеров пандемического коронавирусного дискурса. Описывается коммуникативный потенциал триггеров «Страх» и «Изоляция». Представлена характеристика резонансного дискурса и определены закономерности его формирования. Рассматривается новое дискурсивное пространство, в котором действует система триггеров.

Ключевые слова

триггер, резонансный дискурс, дискурсивная формация, интердискурсивность, пандемический коронавирусный дискурс

Для цитирования

Синельникова Л. Н., Селезнева Л. В. Триггеры резонансности и формирование пандемического коронавирусного дискурса // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 91–113. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-91-113

© Высоцкая И. В., 2022

Resonance Triggers and the Formation of Pandemic Coronavirus Discourse

Lara N. Sinelnikova ¹, Larisa V. Selezneva ²

¹ Humanitarian and Pedagogical Academy (Branch)
V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
Yalta, Russian Federation

² Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation

¹ gpa@cfuv.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8140-5648>

² loramuz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

Abstract

The article examines the mechanism of the formation of a resonant discourse using the example of a discourse about the pandemic coronavirus. Special attention is paid to the concept of “trigger” and the characteristics of the main triggers of the coronavirus pandemic discourse. The article describes the communicative and cognitive potential of the triggers “Fear” and “Isolation”. They are manifested in lexical and semantic innovations, in the word-formation activity of the language, in the expansion of associative links. A trigger is viewed as a semantic mechanism that defines strategies for generating text and the formation of a communicative event based on a real event, which caused a public outcry. Concentration of linguistic resources on the event contributes to the formation of a new discursive formation, thematically related to a resonant event generating new structures of sociocultural knowledge.

Keywords

trigger, resonant discourse, discursive formation, interdiscursivity, pandemic coronavirus discourse

For citation

Sinelnikova L. N., Selezneva L. V. Resonance Triggers and the Formation of Pandemic Coronavirus Discourse. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 91–113. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-91-113

Вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его; а этот язык, начиная с наиболее рудиментарного своего проекта, уже говорил нам о некоем бытии, своего рода нервной которой которого он является.

Фуко М. Порядок дискурса

К постановке проблемы

Дискурс организует все коммуникативно-речевые действия в проекции на социальный контекст, и условием существования дискурса является событие в его пространственном и когнитивном измерении, в характерных способах конституирования в речи [Селезнева, 2019; Тюпа, 2010; Фуко, 2004; Шатин, Силантьев, 2020]. Эпистемология события, его структура, функционирование и развитие фиксируются в языковом (текстовом) материале [Dijk, 2006; Нефёдов, Чернявская, 2020], и подтверждение этому находим в работах о речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с COVID-19 [Кронгауз, 2020; Лату, 2020; Радбиль и др., 2021; НРЛ, 2021; Северская, 2020]. Направленность языка на событие и события на язык – взаимосвязанные факторы, способствующие становлению новой дискурсивной формации, о которой можно говорить в том случае, если определяются закономерности, возникающие при формировании высказываний, поскольку дискурсивная формация, по М. Фуко, является для высказываний «законом сосуществования» [Фуко, 2004, с. 226].

Стратегический характер приобретает установка на дистрибуцию контента (в маркетинге – продвижение к целевой аудитории с помощью всех медиа-форматов), в результате чего событие пандемии быстро завоевывает всё коммуникативное пространство и не ограничивается целевым адресатом. «Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 всколыхнула языковую стихию в такой степени, что ее можно сравнить с динамикой языковых изменений в языке революционной эпохи 1920-х гг. или в русском языке периода перестройки – 1990-х гг.», – отмечают составители ежегодного словаря «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020» [НРЛ, 2021, с. 10].

Тема пандемии организует новое дискурсивное пространство [Тулчинский, 2020] и, подобно «опорному» концепту, называемому «топиком

дискурса», или «дискурсным топиком» [Демьянков, 2002, с. 32], концентрирует вокруг себя разные виды дискурса (медицинский, медиадискурс, обиходный, научный и т. д.), формируя новый вид, который можно определить как пандемический коронавирусный дискурс. Его выделение обусловлено не особенностями коммуникации или прагмалингвистическими характеристиками (см. подробнее о параметрах и типах дискурса, например, [Карасик, 2002; Фещенко, 2020]), а темой и фактором резонансности. Это один из типов резонансного дискурса, в котором действует система триггеров, реконструирующих динамическую дискурсивную реальность и формирующих новую дискурсивную формацию. Триггеры детерминированы событием, и семиотика, стилистика, риторика события зависят от слова-триггера, которое выступает в роли некоего кода, задающего когнитивную проекцию формирования и декодирования смысла.

Дискурсология только подходит к разработке данного понятия: в последнее время появилось небольшое количество работ, в которых предпринимается попытка типологии этого феномена [Карасик, 2020; Korolyova, 2021; Руженцева и др., 2020]. Представители екатеринбургской коммуникативной школы анализируют триггеры-высказывания в дискурсе власти и относят к ним только те высказывания представителей власти, которые вызывают «острую негативную реакцию общественности, репрезентированную как в печатных, так и в электронных СМИ» [Руженцева и др., 2020, с. 99]. На основе интенции выделяются триггеры-мнения в их соотношении с речевыми жанрами совета, оскорбления, угрозы и триггеры-предложения, вносимые в органы власти, которые коррелируют с жанрами запрета, осуждения и заповеди. В свое время в рамках психолингвистики Томас Ропер и Эдвин Уильямс выделяли четыре типа триггеров в зависимости от их интерпретации: дедуктивный триггер; проводной спусковой механизм; когнитивный триггер; неврологический триггер [Roerger, Williams, 1987].

Уже в исходном значении слова *триггер*: класс электронных устройств, обладающих способностью длительно находиться в одном из двух устойчивых состояний и переходить от одного к другому под воздействием внешних сигналов, – заложен семантический алгоритм расширения референциальных возможностей термина (референциальность здесь – способность речезыковых единиц соотноситься с определенным семантическим пространством, репрезентирующим объекты, события, состояния реального или мыслимого мира). Смысловое ядро значения (*Trigger* англ. *переключатель, импульс, спусковой крючок, раздражитель*) оказалось по-

датливым к семантической деривации через расширение контекстов употребления, описание которых невозможно без междисциплинарной совмещенности. Триггерная система проявила типологическую релевантность во множестве институционально закрепленных коммуникативных действий: в психологии и медицине (травма-триггеры, запускающие процесс переживания неприятных событий); в рекламном и маркетинговом дискурсах (триггеры продаж, стимулирующие формирование и реализацию потребностей); в политическом и PR-дискурсах (триггеры влияния, воздействия, изменения убеждений).

Наибольшую активность триггеры приобрели в маркетинговом дискурсе: они формируют систему психологических приёмов воздействия, призванных побудить потребителей к поведению по заданной программе. Триггеры (обращение, вовлечение, доверие, сравнение, авторитет, привлекательность, интрига, новинка, демонстрация идеала и др.) не замыкаются в границах маркетингового дискурса и активно эксплуатируются в разных жанрах «новых медиа». Триггер-маркетинг оказывает влияние на жанровую систему нормативно устойчивых институциональных дискурсов, и банальные рекламно-продвигающие триггеры внедряются в журналистские рецензии, в научные аннотации к изданным монографиям, в тексты, предлагающие помощь в научной деятельности. Цифровая эпоха сформировала маркетинговую парадигму, продуцирующую всё новые и новые маркетинговые стратегии, подавляющая часть которых основывается на свойствах триггеров.

Триггеры в художественном произведении представляют собой некие смысловые образования, ключевые моменты, обуславливающие развитие событий [Карасик, 2015]. Акцентирование тех или иных триггеров влияет на композиционно-архитектоническую организацию нарратива. В любом случае триггер – это «спусковой крючок» для организации эмоций, в числе которых ведущее место принадлежит эмоции ожидания продолжения.

Триггер «запускает» общественную реакцию на некий новостной сюжет, на вызвавшее интерес слово «текущего момента», нетривиальный образ, новую номинацию или окказиональное словообразование и др., – всё это вместе формирует триггер-событие, семиотическая организация которого имеет ризоматический характер. «В любой момент времени любая линия ризомы может быть связана непредсказуемым образом со всякой другой» [Синельникова, 2017, с. 807]. Прослеживается хаотичность

эмоций, множественность противоречивых оценок, переизбыток информации и, как результат, эффект резонанса на основе взаимного усиления.

Переход от описания отдельных лексических единиц (преимущественно неологизмов) к пониманию начала формирования нового дискурса осуществился быстро, чему способствовало включение всех сегментов общества (политиков, медиков, журналистов, писателей, интернет-пользователей всех категорий) в процесс когнитивно-языковой обработки потока новой информации. Картина мира меняется на глазах, и описание новизны естественным образом требует перехода от перечисления фактов, их карточечного «собираательства» к системному описанию сквозь призму стратегий и языка дискурса.

Формирует и продвигает информационный материал медиасфера, в которой конструируются и активно транслируются смыслы, воздействующие на общественное сознание и языковую (а вместе с этим и концептуальную) картину мира. Создается вариативный образ события, поддерживаемый множеством интерпретаций. Основанный на резонансном событии дискурс строится по принципу герменевтического круга: от действительности к высказыванию (тексту) и от высказывания к действительности. Действительность события, его реальное наличие в жизни общества порождает «язык события», реализуемый в текстах, описывающих событие. Направленность языковых средств на событие способствует становлению нового дискурса, тематически связанного с резонансным событием.

Определим содержание понятия «триггер», которое сложилось в процессе работы над статьей и которое будет подтверждено в материалах статьи.

- Триггер запускает семантический механизм текстопорождения, формирует событие текста на основе события жизни.
- Триггеры способны объединять разные знаковые системы, переключать сознание с поверхностного уровня фиксации к когнитивным структурам.
- Каждый утвердившийся в картине мира триггер связывает социальные, культурные, языковые и ментальные показатели.
- Актуальные для общества события закрепляются в картине мира через систему триггеров, которые переходят из одного текста в другой, открывают границы между институциональными дискурсами и в итоге формируют новую дискурсивную формацию.
- Коммуникативный потенциал триггеров обнаруживается в семантико-прагматических преобразованиях (метафоризация, языковая игра, гиб-

ридность вербального и визуального), в словообразовательной активности, в податливости к ассоциативным связям и др.

- Цифровизация способствует расширению коммуникативного потенциала триггеров через формы интенсивной обратной связи.
- Триггерная система создает особые условия для рассмотрения процессов интердискурсивности, что связано в том числе с повышением степени рефлексивности (рефлексия – атрибут резонансного дискурса).
- Рефлексивность, возникающая в условиях актуальной речевой коммуникации, обеспечивает развертывание текста. Осуществляя комментирование, говорящий (пишущий) в условиях актуальной речевой коммуникации соединяет дискурсивные единицы, представляющие разные институциональные дискурсы.
- Каждое значимое для жизни общества событие организуется комплексом триггеров, количество которых, их конфигурация и взаимодействие в разных видах коммуникации определяют сущностные свойства события, его историографию и потенциал развития.

От резонансного события к резонансному дискурсу

Этимология слова «резонанс» (в переводе с лат. *откликаюсь, звучу в ответ*) концептуально согласуется с онтологическими свойствами дискурса, особенно на этапе его становления: в результате воздействия внешнего «раздражителя» возникает и интенсивно формируется вокруг определенной темы объемное поле номинаций, оценок, альтернативных характеристик. Исходное физическое значение термина *резонанс* имеет волновую природу (резонанс моста, колокола, качелей, музыкальный резонанс). Общественный резонанс связан с важным для множества людей событием: событие может *вызвать, получить, иметь резонанс*. Реакция на резонансное событие большого количества людей (а то и всего общества) способствует формированию разновекторного общественного мнения. В этом случае речь может идти об особом проявлении фактора резонансности: интенсивность внешнего воздействия оказывает большое влияние на психологическое состояние и поведенческие решения людей (закон резонанса в психологии); усиливается отклик коммуникативно-языковой среды, проявляющейся в резком увеличении объема и характера новаций. Для резонансного эффекта необходимо совпадение взглядов большинства. Совпадение осуществляется прежде всего в эмоциональной сфере по при-

чине информационных издержек, способствующих снижению уровня психологической защиты и безопасности.

Язык реагирует на все «раздражители», исходящие от резонансного события, и дискурсивная организация события в формах языка осуществляется в условиях соприкосновения слова (в широком значении) с актуальным жизненным контекстом. В результате складываются дискурсивные отношения, детерминирующие «пучок связей, которые дискурс должен установить, чтобы иметь затем возможность говорить о тех или иных объектах, чтобы иметь возможность их обсуждать, называть, анализировать, классифицировать, объяснять т. д. Эти отношения характеризуют не тот язык, который использует дискурс, не обстоятельства, при которых он разворачивается, но сам дискурс как практику» [Фуко, 2004, с. 106]. Другими словами, на основе первичных (реальных) отношений между объектами в рамках события, получившего резонанс, и вторичных (рефлексивных) отношений как языковых отношений в тексте формируется резонансный дискурс.

Объем, количество объектов и субъектов дискурса, длительность его формирования зависят от значимости события. Резонансным может стать любое реальное событие, в том числе и сам дискурс может вызвать резонанс: опубликованный текст, получив широкий отклик в обществе, становится темой для дискуссий и объектом дискурса, который может включать устные, письменные, дисплейные тексты. Так, например, обложка журнала «Corriere dello Sport», на которой были изображения темнокожих игроков команд «Интера» и «Ромы» с заголовком «Черная пятница», вызвала резонанс в итальянском футбольном сообществе. Это стало темой обсуждения в интернет-изданиях ¹, в чатах ².

Чем значительнее резонансное событие, тем более длительным оказывается срок существования дискурса и тем больше институциональных

---

¹ «В итальянском футбольном сообществе вызвала резонанс обложка местного издания, посвященная предстоящему матчу миланского «Интера» с «Ромой» в рамках 14-го тура национального первенства. Журнал поместил темнокожих игроков команд – форварда «нерадзурри» Ромелу Лукаку и защитника «волков» Криса Смоллинга соответственно – под заголовок «Черная пятница» (Журнал поместил темнокожих игроков «Интера» и «Ромы» с заголовком «Черная пятница» // gazeta.ru, 2019.12.05; «Черная пятница»: Corriere dello Sport анонсировала матч «Интер» – «Рома» обложкой с Лукаку Смоллингом). URL: <https://www.sports.ru/football/1080925931.html>).

² https://twitter.com/Millar_Colin/status/.

дискурсов формируется, и резонансный эффект часто проявляется спустя годы и десятилетия после хронологического завершения реального события.

Независимо от значимости события его позиционирование в дискурсе проходит в двух противоположных модально окрашенных коммуникативных средах: позитивной и негативной (агрессивно настроенной), связанных с отношением к резонансному событию в обществе (или определенной группе), с его оценкой.

Представляя собой сложное семиотическое явление, резонансный дискурс не имеет результирующих характеристик до тех пор, пока длится резонансное событие, его породившее. Резонансное событие – это длящееся событие, значимое для всего общества. Ситуация «до» и «после» становится переломной, что проявляется в трансформациях, происходящих как в общественном сознании, так и в знаковых (семиотических) системах. Формируется некая коллективная идентичность по признаку вовлеченности всех в событийную динамику. «Новая реальность» складывается из череды событий, и свой вклад в конструирование новой реальности вносят языковые инновации, отражающие восприятие резонансного события и связанных с ним реалий. Так, например, составители ежегодного словаря «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020» отметили, что такие резонансные события 2020 г., как внесение поправок в Конституцию РФ, движение БЛМ и выборы президента США, выборы президента Республики Беларусь, дали как минимум 20–40 наименований каждое, и около 3 000 слов возникло в языке массмедиа в связи с пандемией и сопутствующими ей социальными практиками [НРЛ, 2021, с. 10].

Резонансный дискурс принципиально (онтологически) нестабилен, и для его содержания значимы актуально «живые» коммуникации, увеличивающие объем контекстуализаций – использования языка для обозначения соответствующих аспектов взаимодействия или коммуникативной ситуации и проведения анализа контекстных данных относительно языковых и речевых новообразований и (или) коннотативных преобразований ранее зафиксированных в словарях языковых единиц.

Пандемический коронавирусный дискурс: характеристика

Пандемический дискурс сложился на основе резонансного события, получившего несколько наименований: «SARS-CoV-2» (коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома - 2), «COVID-19», «коронави-

русная инфекция», «новая коронавирусная инфекция». Имя события оказывает влияние на его последующую интерпретацию, участвует в формировании «образа события». В мае 2021 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла решение маркировать различные штаммы COVID-19 буквами греческого алфавита: британский V.1.1.7 – «Альфа»; южноафриканский V.1.351 – «Бета»; бразильский P.1 – «Гамма»; индийские V.1.617.2 и V.1.617.1 – «Дельта» и «Каппа» соответственно. Есть основание считать введение новых номинаций примером эвфемизма «широкого действия»: чиновники стремились избежать дискриминационного упоминания стран, где тот или иной вид вируса был обнаружен впервые, и облегчить употребление наименований штаммов в речи. Подробное описание эпонимических номинативных стратегий в лингвистическом, этическом и дискурсологическом аспектах представлено в статье [Нагорная, 2020].

Очевидна закономерность: слово-триггер конвертируется в событие, а событие в результате множественных интерпретаций «сворачивается» в слово. Покажем такого рода дискурсивное движение на нескольких словах-триггерах.

Метатриггеры *пандемия*, *Covid-19* способствовали повышению роли трансдискурсивности – понятие, введенное М. Фуко в контексте анализа дискурса для обозначения такого типа дискурсивности, который, обладая генеративным потенциалом, самим фактом своего прецедента открывает в культурной среде определенную традицию дискурсивных практик [Фуко, 1996]. Пандемия обнаружила динамику модальностей медицинского дискурса, который занял приоритетное место в текстах на всех медийных площадках. Традиционный медицинский текст, призванный информировать о проблеме, эволюционирует в сторону публицистического текста с его комплексной стратегией – убеждать и воздействовать [Расчепеева и др., 2020], и многие дискурсивные маркеры объединили медицинский и публицистический (публичный) дискурсы.

Активизировался научно-популярный формат медицинского дискурса. Так, в электронной книге Ирины Якутенко [2021] публицистично проявлены все «сильные» позиции текста: заголовок («Вирус, который сломал планету»), эпиграф («Посвящается моим дочерям, детство которых приходится на очень странное время»), названия глав («Неговорящие имена», «Невольный помощник», «Геномные прыжки», «Молекулярный диверсант», «Неисполнимое желание»).

Факт быстрого формирования поля интердискурсивности был замечен исследователями-филологами и подтвержден многочисленными языковыми примерами [Зыкова, 2021; Карасик, 2020; Северская, Селезнева, 2021; Новикова, Калугина, 2020; НРЛ, 2021; Чернявская, 2009]. Зафиксировано рассмотрение медицинских терминов в нормативно-оценочных характеристиках экологического дискурса – влияние «на чувствительность экологии реципиента» [Шаховский, Маджаева, 2020]. «Изменения в медицине приводят к модификациям в языковой картине мира, функционированию языковых структур. Об этом свидетельствует появление неологизмов, через изучение которых можно увидеть и развитие самой медицины, и трансформацию языковой картины мира медицины» [Там же, с. 498]. «Трансляционная медицина» расширила свои границы через обновленную терминосистему, которая связала медицину со всем обществом. Включение в междисциплинарные связи публицистического фактора способствовало увеличению количества терминов с очевидной оценочной коннотацией: *цифровизация медицины, цифровой концлагерь, биохакинг, блокчейн, искусственный интеллект в медицине, обезболивающие гаджеты, цифровые лекарства* и др.

Терминология, перешедшая из медицинского дискурса в медийное пространство, в «новые медиа» приобрела двойной нормативный показатель – специальное и общеупотребительное: *ковид, вакцина, ИВЛ, плато, коллективный иммунитет, антитела, постковидный синдром, порог коллективного иммунитета, тестирование, двойной тест, массовое тестирование, бессистемное тестирование, паспорт вакцинированного* и др. Включенные в повседневность медицинские предикаты: *ухудшающаяся динамика, ограничительные меры, у него иммунитет* – вышли за пределы сильного синтаксического управления, что подтверждает их семантическую самостоятельность, а в функциональном плане – вхождение в группу общеупотребительной межстилевой лексики.

Дискурсология пополнилась полноценными сведениями о потенциале актуальной для общества проблемы (тематической доминанты) по созданию интердискурсивного пространства, в котором медицинский, политический, экономический, рекламный, медийный, сетевой и обиходно-разговорный дискурсы вошли в контакт на лексико-фразеологическом, стилистическом и образном уровнях. Немалый интерес представляют исследования на материале нескольких языков: русского и китайского [Савченко, Лай Янь-Цзюнь, 2020; Серебрякова, Милостивая, 2020]. Комплекс приемов воздействия оказался общим для разных стран: распределение

номинаций как по положительной, так и по отрицательной шкале оценок; переход на личности; недосказанность; информационное манипулирование статистическими данными; навязывание ложных пресуппозиций; использование метафорического ресурса; ссылки на неопределенные источники информации и безымянных информаторов.

В ходе международного диалога о дискурсе пандемии «Covid-19: катастрофа в языковом измерении разных стран» было отмечено, что все страны объединяет общий лексикон дискурса пандемии [Мустайоки и др., 2020]. Спикер диалога, доктор филологических наук Ирина Вепрева, отметила особенности русской лингвокультуры, проявленные в словоцентризме: активизируются креативные операции как с планом выражения, так и с планом содержания словесных знаков, актуальных для текущего времени» [Там же, с. 1385].

Базовые триггеры пандемического коронавирусного дискурса

В резонансном дискурсе активизируются разные триггеры, и дискурсивная формация создает закономерность, при которой триггер конвертируется в событие, а событие в результате множественных интерпретаций «сворачивается» в слово. Очевидна чувствительность триггеров к малейшим внешним изменениям, к изменениям события пандемии в его информационно-оценочном наполнении. Покажем такого рода дискурсивное движение на двух базовых триггерах.

Триггер «Страх». В пандемическом дискурсе сошлись страхи медицинские, социальные, политические, возрастные и мало ли еще какие! В условиях неопределенности и недоверия к официальной информации заработала «машина страхов» в виде повтора определенного рода сюжетов по разным каналам, распространения слухов, культивирования визуальных образов разной природы. «По данным издания “Лайфхакер”, опубликованным в Рунете под заголовком “Новые страхи: 5 вещей, которых мы боимся в 2020-м, и как с ними жить” (01.08.2020), к новым страхам относятся: 1) полная виртуализация жизни, что связано с отсутствием непосредственного общения между людьми; 2) новая эпидемия или вторая волна COVID-19; 3) проблемы со здоровьем (стало реально болеть, не зная об этом); 4) цифровая слежка и вмешательство в тело человека; 5) планирование жизни и карьеры (страх оказаться без сбережений, страх отпуска в чужой стране)» [Лассан, Кравцова, 2020, с. 750]. Все перечисленные виды «но-

дально окрашенные коммуникативные сферы (агрессивная и позитивная). Одной из основных коммуникативных интенций становится защита от негативной информации, что обуславливает такое информационное развертывание дискурса, которое формирует имплицитный смех, абстрагирует от реальности и переводит человека в возможный мир, где действуют законы формируемого им дискурса. Это проявляется, например, в наименовании различных форм самоизоляции: *алкоизоляция, виноизоляция, дачаизоляция, домоизоляция, изоизоляция, киноизоляция, книгоизоляция, ле-соизоляция* [НРЛ, 2021, с. 448].

Триггер «Изоляция». Концептосфера резонансного пандемического дискурса пополнилась пространственными маркерами: «изоляция» (*отделение, разобщение*), «удалённость» (*находящийся на далёком расстоянии*), «дистанционный» (от «дистанция» – *расстояние, промежуток*). В коронавирусном дискурсе есть две новации. Одна связана с концептом *САМО-ИЗОЛЯЦИЯ*, который вышел за пределы закреплённого опыта: оценка внешней политики государства или психиатрический синдром ухода от контакта с внешним миром. В выражениях *режим самоизоляции, индекс самоизоляции, отправить на самоизоляцию, принудительная самоизоляция* «элиминируется обязательная импликация добровольности данной ситуации, имеющаяся в естественно-языковом представлении слова *самоизоляция* и заложенная в его первоначальном значении в русском языке» [Радбиль, 2020, с. 759].

Вторая новация – закрепление значения дистанционности в двух социально значимых словосочетаниях: *дистанционное обучение, дистанционный режим работы*, которые в соответствии с узусом компрессионного словообразования (универбации) превратились в *удалёнку* и *дистант*. *Локдаун, полный локдаун, первый, второй локдаун* входят в семиосферу триггера «Изоляция», но, будучи заимствованными из английского языка (исходно – *строгая изоляция заключённых*), используются по большей части в новостном журналистском дискурсе.

За время карантина увеличилось количество онлайн-площадок для удалённых коммуникаций. Наибольшей популярностью для проведения конференций, дистанционного обучения и любого другого социального общения в Интернете пользуется Zoom. Переход от английского написания *Zoom*, к *Зум* и далее к *зум* осуществился стремительно в полном соответствии с быстротой освоения технологии онлайн-общения. Столь же быстро по моделям русского словообразования возникли неологизмы (*зум, зумиться, отзумились, зумбариться*), «игровые» окказионализмы (*изоо-*

мительный, безумие), более ста сложных слов с корнем зум типа зум-жизнь, зум-вечеринка (см. подробно: [НРЛ, 2021, с. 275–284, 430–441]). Как видим, базовая сема «расстояние» сохраняется во всех случаях действия триггера «Изоляция», но есть и отличия, определяемые функцией расстояния и его восприятием обществом, оказавшимся в пространстве «новой этики», но не забывшим и о традиционных формах общения.

Выводы

Современный человек и в целом общество пребывают в триггерной системе коронавирусного дискурса. Триггеры соединяют язык и реальность, «управляют» коммуникацией во всем ее виртуально-реальном многообразии, варьируют семантические модальности. Дискурсивная сила триггеров способствует взаимодействию дискурсов: медицинского и дискурса повседневности, медицинского и политического, образовательного дискурса и новейших цифровых коммуникативных практик, результатом чего являются изменения в семантико-стилистических характеристиках языковых единиц и расширение регистра варьирования коннотаций.

Подход к резонансному событию со стороны триггеров увеличивает возможность понимания новых «правил» организации информационного пространства, в котором, например, триггер «новость» сразу же попадает в матрицу поливалентности – аксиологических трансформаций и инфодемического нарратива в виде репостов слухов, псевдомедицинских советов, конспирологических трактовок новостей и панических предупреждений [Архипова и др., 2020].

Триггер сокращает, удлиняет, развивает событие. Основной признак пандемии – отсутствие границ, этот же признак можно отнести к рассмотренным нами триггерам. Восприятие языкового знака как триггера – способ понимания формирования и закрепления новых дискурсивных практик. История резонансного дискурса – это история актуализированных триггеров.

Список литературы

Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231–265. DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1778

Грибер Ю. А., Сухова Е. Е. Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии COVID-19 в русскоязычных онлайн-СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 307–328. DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1745

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.

Зыкова И. В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса) // Критика и семиотика. 2021 № 2. С. 11–29. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-11-29

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В. И. Изменение внешности как лингвокультурный сюжетный триггер // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 16–30.

Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34.

Корниенко А. В. Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 53–66. DOI 10.26170/pl20-06-06

Кронгауз М. А. Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 735–744. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4). 735-744.

Лассан Э., Кравцова Л. Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 745–758. DOI 10.24147/24136182.2020.7(4). 745-7580

Лату М. Н. Частотно актуализируемые смысловые компоненты в мемах и демотиваторах, посвященных самоизоляции // Научный диалог. 2020. № 12. С. 85–98.

Мустайоки А., Зорихина-Нильссон Н., Тоус-Ровироза А., Гусман Тирадо Р., Дергачева Д., Вепрева И., Ицкович Т. Covid-19: катастрофа в языковом измерении разных стран // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533

Нагорная А. В. COVID-19 и эпонимическая контрверза в современной медицинской терминологии // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 455. С. 25–31. DOI 10.17223/15617793/455/4

Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 83–97 DOI 10.17223/19986645/63/5

Новикова О. Н., Калугина Ю. В. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // Вестник Башкир. ун-та. 2020. Т. 25, № 2. С. 376–381. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.26

Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774

Радбиль Т. Б., Рацбургская Л. В., Палоши И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. DOI 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79

Расчепеева Д. Д., Семейкина Е. В., Стеблецова А. О. Язык медицинской профилактики: дискурс пандемии коронавируса // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 7-3 (46). P. 85–87. DOI 10.24411/2500-1000-2020-10820

Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н., Чудинов А. П. Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ // Язык и культура. 2020. № 50. С. 99–114.

Савченко А. В., Лай Янь-Цзюнь. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 865–886. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886

Северская О. И. Ковидиоты на карантинных пунктах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 887–906. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906

Северская О. И., Селезнева Л. В. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 1. С. 96–109.

Селезнева Л. В. Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология. М.: Флинта, 2019. 312 с.

Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Лингвистическое портретирование пандемии Covid-19 в прессе России и Германии // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 202–209.

Синельникова Л. Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник РУДН. Лингвистика. 2017. Т. 21, № 4. С. 805–821.

Тульчинский Г. Л. Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: возвращение парресии // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 2. С. 14–29. DOI 10.18721/JHSS.11202

Тюпа В. И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

Фещенко В. В. От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 92–113.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с.

Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: URSS, 2009. 245 с.

Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Российский судебный дискурс в свете современной теории аргументации // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 401–412.

Шаховский В. И., Маджаева С. И. Медицинские инновации и их язык: эмотивно-лингвоэкологический подход // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. № 39 (3). С. 497–510. DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-3-497-510

Якутенко И. Вирус, который сломал планету. Почему SARS-CoV-2 такой особенный и что нам с ним делать. Электронная книга. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Dijk T. A. van. Discourse, context and cognition // Discourse Studies. 2006. № 8 (1). P. 159–177.

Korolyova L. Yu. Comparative analysis of triggers in Russian and American political discourse // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. Vol. 7 (1). P. 78-91. DOI 10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-7

Rooper T., Williams E. Parameter setting. Dordrecht: D. Reidel, 1987. 252 p.

Список источников и словарей

НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020 / Отв. ред. Ю. С. Ридецкая. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 486 с.

References

Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peygin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. Puti rossiyskoy infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Ways of the Russian infodemia: from WhatsApp to the Investigative Committee]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020, no. 6, pp. 231–265. (in Russ.) DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1778

Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, 2009, 245 p. (in Russ.)

Demyankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology] In: Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya [Political Science. Political Discourse: History and Modern Research]. Moscow, INION RAS, 2002, no. 3, pp. 32–43. (in Russ.)

Dijk T. A. van. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*, 2006, no. 8 (1), pp. 159–177.

Feshchenko V. V. From linguoesthetics to linguoheuristics: word-making in artistic and scientific discourses. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, pp. 92–113. (in Russ.)

Foucault M. Arkheologiya znaniya [Archaeology of Knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2004, 416 p. (in Russ.)

Foucault M. Poryadok diskursa [The Order of Discourse]. In: Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [The Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow, Castal, 1996, pp. 47–96. (in Russ.)

Griber Yu. A., Sukhova E. E. Tsvet kak instrument upravleniya emotsiyami v publikatsiyakh o pandemii COVID-19 v russkoyazychnykh onlayn-SMI [Color as an emotion management tool in publications about the COVID-19 pandemic in Russian-language online media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 307–328. (in Russ.) DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1745

Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002, 477 p. (in Russ.)

Karasik V. I. Izmenenie vneshnosti kak lingvokul'turnyy syuzhetnyy trigger [Appearance change as a linguocultural plot trigger]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Research]*, 2015, no. 2 (4), pp. 16–30. (in Russ.)

Karasik V. I. Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 2020, no. 2 (80), pp. 25–34. (in Russ.)

Kornienko A. V. Osobennosti direktivnogo diskursa peterburgskoy vlasti, vyzvannogo koronavirusom [Features of the directive discourse of the St. Petersburg authorities caused by the coronavirus]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 2020, no. 6 (84), pp. 53–66. (in Russ.) DOI 10.26170/pl20-06-06

Korolyova L. Yu. Comparative analysis of triggers in Russian and American political discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2021, vol. 7 (1), pp. 78–91. DOI 10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-7

Krongauz M. A. Screenlife v epokhu karantina [Screenlife in the era of quarantine]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Research]*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 735–744. (in Russ.) DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744

Lassan E., Kravtsova L. Strakh kak motiv i motivator elektronnoy kommunikatsii (na materiale internet-tekstov 2020) [Fear as a motive and motivator of electronic communication (based on the material of Internet texts 2020)]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Research]*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 745–758. (in Russ.) DOI 10.24147/24136182.2020.7(4).745-7580

Latu M. N. Chastotno aktualiziruemye smyslovye komponenty v memakh i demotivatorakh, posvyashchennykh samoizolyatsii [Frequently actualized semantic components in memes and demotivators dedicated to self-isolation]. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 2020, no. 12, pp. 85–98. (in Russ.)

Mustayoki A., Zorikhina-Nilsson N., Tous-Rovirosa A., Gusman Tirado R., Dergacheva D., Vepreva I., Itskovich T. Covid-19: katastrofa v yazykovom izmerenii raznykh stran [Covid-19: a catastrophe in the linguistic dimension of different]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 1369–1390. (in Russ.) DOI 10.15826/qr.2020.4.533

Nagornaya A. V. COVID-19 i eponimicheskaya kontroverza v sovremennoy meditsinskoj terminologii [COVID-19 and eponymic counter-examination in modern medical terminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2020, no. 455, pp. 25–31. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/455/4

Nefedov S. T., Chernyavskaya V. E. Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva [Context in linguistic analysis: pragmatic and discursive-analytical perspective]. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta. *Filologiya* [*Bulletin of Tomsk State University. Philology*], 2020, no. 63, pp. 83–97. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/63/5

Novikova O. N., Kalugina Yu. V. COVID-19 v kontekste sovremennogo sostoyaniya issledovaniya diskursa o pandemii [COVID-19 in the context of the current state of the study of the discourse on the pandemic]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [*Bulletin of Tomsk State University*], 2020, vol. 25, no. 2, pp. 376–381. (in Russ.) DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.26

Radbil T. B. “Samoizolyatsiya” kak noveyshiy russkiy kul'turnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Self-isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnye issledovaniya* [*Communicative Research*], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 759–774. (in Russ.) DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774

Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V., Paloshi I. V. Aktivnye protsessy v leksike i slovoobrazovanii russkogo yazyka epokhi koronavirusa: lingvokognitivnyy aspekt [Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language of the coronavirus era: linguocognitive aspect]. *Nauchnyy dialog* [*Scientific Dialogue*], 2021, no. 1, pp. 63–79. (in Russ.) DOI 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79

Raschepeva D. D., Semeykina E. V., Stebletsova A. O. Yazyk meditsinskoy profilaktiki: diskurs pandemii koronavirusa [The language of medical prevention: the discourse of the coronavirus pandemic]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, vol. 7-3 (46), pp. 85–87. (in Russ.) DOI 10.24411/2500-1000-2020-10820

Roeper T., Williams E. Parameter setting. Dordrecht, D. Reidel, 1987, 252 p.

Ruzhentseva N. B., Koshkareva N. N., Chudinov A. P. Triggery v diskurse vlasti i ikh otrazhenie v SMI. Yazyk i kul'tura [Language and Culture], 2020, no. 50, pp. 99–114. (in Russ.)

Savchenko A. V., Lai Yan-Jun. “Koronavirusnye neologizmy”: ot leksiki i frazeologii k internet-memam (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [“Coronavirus neologisms”: from vocabulary and phraseology to Internet memes (based on the material of Russian and Chinese)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [*Communicative Research*], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 865–886. (in Russ.) DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886

Selezneva L. V. Parametricheskaya model' PR-diskursa: pragmatika, semantika, aksiologiya [Parametric model of PR discourse: pragmatics, semantics, axiology]. Moscow, Flinta, 2019, 312 p. (in Russ.)

Serebryakova S. V., Milostivaya A. I. Lingvisticheskoe portretirovanie pandemii Covid-19 v presse Rossii i Germanii [Linguistic portrayal of the Covid-19

pandemic in the press of Russia and Germany]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Studies], 2020, no. 2, pp. 202–209. (in Russ.)

Severskaya O. I. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyy slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'nykh diskursivnykh praktik [Coronavirus neologisms: from vocabulary and phraseology to Internet memes (based on the material of Russian and Chinese)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative Research], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 887–906. (in Russ.) DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906

Severskaya O. I., Selezneva L. V. Refreyming idiom i paremiy v koronavirusnom diskurse [Reframing idioms and paremias in coronavirus discourse]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Word.ru: Baltic accent], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 96–109. (in Russ.)

Shakhovsky V. I., Madzhaeva S. I. Meditsinskie innovatsii i ikh yazyk: emotivno-lingvoekologicheskii podkhod [Medical innovations and their language: an emotive linguoecological approach]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Questions of journalism, pedagogy, linguistics], 2020, no. 39 (3), pp. 497–510. (in Russ.) DOI 10.18413/2712-7451-2020-39-3-497-510

Shatin Yu. V., Silantyev I. V. Russian judicial discourse in the light of the modern theory of argumentation. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 2, pp. 401–412. (in Russ.)

Sinelnikova L. N. Rizoma i diskurs intermedial'nosti [Rhizome and discourse of intermediality]. *Vestnik RUDN. Lingvistika* [Bulletin of the RUDN. Linguistics], 2017, vol. 21, no. 4, pp. 805–821. (in Russ.)

Tulchinsky G. L. Publichnyy diskurs v usloviyakh koronavirusnoy pandemii: vozvrashchenie parresii [Public discourse in the context of the coronavirus pandemic: the return of parrhesia]. *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie* [Society. Communication. Education], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 14–29. (in Russ.) DOI 10.18721/JHSS.11202

Tyupa V. I. Diskursivnye formatsii. Ocherki po komparativnoy ritorike. [Discursive formations. Essays on comparative rhetoric.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010, 320 p. (in Russ.)

Yakutenko I. Virus, kotoryy slomal planetu. Pochemu SARS-CoV-2 takoy osobennyi i chto nam s nim delat' [The virus that broke the planet. Why is SARS-CoV-2 so special and what should we do with it]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2021. (in Russ.)

Zykova I. V. Interdiscursive parameters of linguocreativity (based on the material of the film discourse). *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 11–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-11-29

List of Sources and Dictionaries

Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy – 2020 [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 2020]. Ed. by Yu. S. Ridetskaya. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2021, 486 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Лара Николаевна Синельникова, доктор филологических наук, профессор
RSCI Author ID 554313

Лариса Васильевна Селезнева, доктор филологических наук, доцент
RSCI Author ID 634321

Information about the Authors

Lara N. Sinelnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
RSCI Author ID 554313

Larisa V. Selezneva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
RSCI Author ID 634321

*Статья поступила в редакцию 10.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.12.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*